

СТАТУС ПАЛАЧА В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА МАРГИНАЛИЗАЦИИ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ)

Е.Н. Сурта, БГПУ (Минск)

Процессы маргинализации и стигматизации являлись характерным феноменом позднесредневекового западноевропейского общества, без понимания которого невозможна всесторонняя реконструкция специфики социальных связей, прежде всего в городской среде. При этом сами современные понятия «маргиналов» и «изгоев» были неизвестны Средневековью. Оно не знало четкой системы соотношения понятий, которая создавала бы независимо от региона и группы устойчивые понятия бесчестности. Помимо криминальных элементов, людей с физическими и психическими отклонениями, а также иноверцев и представителей нацменьшинств во многих регионах Западной Европы различным формам правовой и социально-бытовой дискриминации подвергались и представители так называемых позорных, не статусных профессий.

Лишение социальной репутации и доброй славы конкретизировалось в многоступенчатой форме. На самом нижнем уровне бытового социального взаимодействия маргинализация проявлялась в издевательствах, насмешках презрени и ругательствах. На уровне социального устройства, контроля и господства - в утрате активного и пассивного избирательного права, права свободного распоряжения имуществом, доступа к «честным» братствам, цехам и гильдиям, в ограничениях при поиске брачного партнера и крепного отца или доступе к образованию. Внешнее проявление маргинального статуса на практике выражалось также в предписании носить одежду определенного цвета или отдельные элементы одежды, свидетельствующие о социально приниженом положении, в проживании в удаленных от центра, не престижных кварталах. На вторичном уровне утрата чести сопровождалась ограничением юридически гарантированной свободы действий, которая в крайних проявлениях могла доходить до физического уничтожения изгоя.

Различные профессии в период Позднего средневековья были исключены из круга уважаемых и корпоративных ремесел и провозглашались «бесчестными» или «позорными», хотя они выполняли важные функции и ориентировались на установленный порядок и закон. К такой категории относилась и профессия палача.

Каиново клеймо бесчестности, ассоциируемое с профессией палача, является феноменом длительной эволюции социальных представлений и реальной практики наказания и возмездия за совершённые преступления. [18, с. 87] Изначально смертная казнь исполнялась пострадавшим лицом или связанной с ним социальной группой. Ещё в Ветхом и Новом Завете сообщалось о том, что преступники, злодеи и грешники забивались камнями народом. Аналогичным образом поступали древние германские народные собрания – тинги, подвергавшие экзекуции избранных преступников. Но не только тинги, также сами истцы или их род получали право осуществлять возмездие согласно принципу талиона. Подобные реликты принципа талиона можно было встретить ещё даже и в Позднее средневековье. [18, с. 88] Однако во всех этих случаях речь не шла о собственно палачах и связанной с ними бесчестности. До XIII века и сама церковь чётко не определила свою позицию в отношении исполняемого за вознаграждение убийства. Только в начале указанного века папа Иннокентий III однозначно одобрительно высказался по данному вопросу о возможности и допустимости пролития крови без совершения смертного греха, если возмездие совершается не в результате личной ненависти, а на основании приговора. Схоластические теологи пошли ещё дальше, приветствуя необходимость смертной казни в христианском обществе. Фома Аквинский писал, что не только разрешено, но и необходимо убивать грешников, если они становятся пагубными и опасными для общества. [2; 18, с. 88]

Последовавшее за этим массовое преследование еретиков (катаров, вальденсов и других), учреждение инквизиции и разрешение Римской кафедрой пыток были дальнейшими конституирующими моментами на пути к церковному одобрению профессии палачей. Но только развивающиеся города создали в конечном итоге материальные и организационные условия для появления профессиональных палачей. Палачи получали подобные цеховым уставам, должны были проходить соответствующее обучение, демонстрировать своё мастерство и могли иметь учеников и подмастерьев, получали жильё и вознаграждение, однако вместе с тем они были лишены полноценного участия в социальной жизни. Несмотря на формальные предпосылки, палач никогда не считался равноправным и полноправным в ремесленной среде. Уже в городском праве Аугсбурга 1276 года, в котором содержится одно из первых документально подтверждённых упоминаний о профессиональном палаче (hencker) в немецкоязычном пространстве, профессиональному палачу вменялись обещающие виды дополнительной деятельности, такие как очистка выгребных ям и надзор за проститутками, что являлось одним из проявлений маргинального статуса. [1; 14, с. 298]

В целом источники XIV-XV вв., подтверждающие бесчестность палача и его табуизированный характер, очень не многочисленны. При этом многие сообщения о палачах находятся на уровне популярных рассказов, легенд и сказок, фольклорных преданий и слухов. Данные сведения хотя и не обладают документальной ценностью с фактологической точки зрения, однако проливают свет на мир представлений средневекового общества, свидетельствуя о том, что статус палача характеризовался, прежде всего, не положительными регламентациями, хотя их тоже не следует игнорировать и недооценивать, а порочной репутацией, отражавшей страх и отвращение со стороны широких слоёв населения.

В период Позднего средневековья статус палача колебался в диапазоне между общественно-публичным признанием и социальной изоляцией при существенном влиянии географических факторов. Однако, несмотря на все оговорки в указанный период существовали многообразные и многочисленные формы маргинализации и вторичной бесчестности, которые охватывали как церковно-религиозную, так и

общественно-правовую сферу, а также были тесно связаны с ментальными структурами и формами мышления общества в целом. [18, с. 90]

Церковь могла оказывать влияние на оформление социального статуса того или иного лица путём регламентации в сфере приобщения к церковным таинствам и порядка богослужения [6, с. 314] вплоть до полной деградации. Палачи занимали в этом отношении «среднее» положение, которое хотя и не гарантировало им полного равноправия, однако предоставляло право на приобщение к церковным таинствам. В частности нет достаточных подтверждений того, что палачам было отказано в христианском церковном венчании или христианском погребении [9, с. 124], если не было серьёзных причин для этого, например, таких как безнравственный или нехристианский образ жизни. [17, с. 32] Однако на многих церковных кладбищах палачам предоставлялись изолированные или менее почётные места для погребения. Также при участии в общем богослужении палач не мог садиться среди других прихожан-христиан. Во многих городах им отводилось в церкви находящееся в отдалении отдельное место. [5, с. 91; 17, с. 29] Также нет точных данных об особых положениях в отношении принятия причастия палачом в период Позднего средневековья. Однако уже в начале XVI века увеличивается количество свидетельств об отказе палачам в причастии. [17, с. 29; 19, с. 323]

Светская власть также обладала широким спектром ритуалов и символов для деградации статуса. Предписания простирались от требований визуального выделения посредством ношения определённой одежды или её элементов до повелений полного избегания контакта. В этом отношении именно в Позднее средневековье в отдельных регионах время от времени стали появляться соответствующие визуальные формы проявления маргинализации палачей в виде ношения определённой одежды или стигматизирующих отличительных знаков.

Так палач в Брауншвайге в 1414 году должен был носить жёлтый колпак. [18, с. 91] Жёлтый цвет часто использовался в качестве визуальной стигмы, в том числе в отношении проституток и евреев, так как являлся символом ада. Палачу в Берне в 1471 году было приказано носить на камзоле серебряный символ виселицы, а также избегать на улице контакта с добропорядочными людьми, женщинами и мужчинами и в церкви в ходе богослужения располагаться позади «добропорядочных» прихожан. [3, с. 544] В то же время для Саксонии и Тюрингии, например, отсутствуют свидетельства требования ношения особой одежды палачом.

Что касается места проживания палача, то в этом отношении также существовали значительные региональные различия. В некоторых городах палачу отводили жильё у городской стены, или за пределами городских стен, у мостов или в необжитых местах с целью их обособления. Существенной причиной для данного пространственного отграничения было чаще всего то обстоятельство, что соответствующий палач также был одновременно живодёром, и поэтому хотели как можно дальше удалить от города исходявшее от данного ремесла зловоние. [17, с. 26] Иногда дома палачей находились в пользующихся дурной славой кварталах города. [18, с. 94] Так, в Берне и Брауншвайге дом палача находился рядом с борделем. [4, с. 495-502, 694; 16, с. 14] В Кёльне дом палача размещался в месте топографической концентрации бесчестных людей, куда он переселился из куриного рынка, тоже имевшего дурную славу. [8, с. 281] В Цюрихе дом палача находился в пользующемся дурной славой Кратце (Kratz), где жили люди низших социальных слоёв. [13, с. 24-26] Аналогичная ситуация была и в других городах. Подобная дифференцированная городская социальная топография, включая концентрацию маргинальных групп и слоёв в определённых кварталах и на определённых улицах городов как правило была чётко выражена только с XIV века. [18, с. 94]

Однако нередко дома палачей находились в центре городов без признаков пространственной изоляции, как, например, в Эмдене, Киле, Данциге [18, с. 94], что ещё раз подчёркивает существовавшие региональные различия.

Общественно правовая дисквалификация палачей проявлялась в возложении на них ряда вторичных видов деятельности, которые не имели ничего общего с их непосредственной профессиональной деятельностью. [18, с. 96] Это были прежде всего такие виды работ, как очистка выгребных ям, отлов и убийство собак, захоронение самоубийц или надзор за проститутками. На основании локальных и региональных особенностей для Позднего средневековья можно иногда обнаружить действительно курьёзные задачи. Например, палачи должны были изгонять прокажённых, контролировать кастрацию домашних животных, закапывать погибшую рыбу, осуществлять надзор за заключёнными или рынком и т.д. [15, с. 162, 195, 201; 16, с. 63; 17, с. 89-98]

Эти отчасти грязные и унижительные виды побочной деятельности имели двойную функцию. С одной стороны они содействовали в рамках вторичной стигматизации усиленной дискриминации и маргинализации палачей, но с другой стороны, доходы, получаемые от этих необходимых дополнительных видов деятельности, обеспечивали значительную часть средств существования палачей, которые в результате относительно редких казней и пыток не были полностью загружены и финансово защищены. [19, с. 17, 112; 8, с. 281]

Также погребение палача сопровождалось социально обусловленными проблемами. Часто для умершего палача или его родственников было трудно найти добропорядочных носильщиков гроба. Даже соседи или другие горожане решительно отказывались оказать умершему последнюю честь. Только в исключительных случаях палачи могли быть приняты в ремесленные братства, поэтому они не имели гарантии надлежащего погребения и не могли рассчитывать на погребение души в рамках братства. В свою очередь членам цехов, помогавшим доставить гроб с телом палача к могиле, цехи создавали серьёзные трудности вплоть до исключения из ремесленной корпорации.

Также повседневные контакты палача с другими жителями города были связаны с определёнными ограничениями. Горожане избегали физического контакта с палачом. Для средневекового европейского общества было характерно то, что действующая сила сверхъестественного, ассоциируемая с носителями табу, к которым относились палачи, может переноситься на других лиц и на все предметы, которых они

коснулись. В результате даже простой, случайный физический контакт превращал почтенного человека в носителя табу. В некоторых средневековых хрониках и легендах отражается страх и боязнь взглянуть в лицо палачу. К бесчестности также мог привести контакт с мечом палача, виселицей и другими инструментами, используемыми в ремесле палача. [15, с. 113; 17, с. 18] В 1495 году в Вюрцбурге один из банщиков был исключён из своего цеха, так как палач без приглашения явился на устроенную им свадьбу. [10, с. 545]

Таким образом, табуизированный характер палача чётко просматривается в социальной повседневности, которая определялась как церковными, сеньориальными или коммунальными законами, так и старыми обычаями и региональными традициями.

Ограничения начинались уже при рождении детей палача, которому с большим трудом удавалось заполучить в качестве крёстных добропорядочных граждан. [7, с. S.109; 17, с. 30]

Ещё сложнее было найти брачного партнёра за пределами семей палачей. Как правило, достигшие брачного возраста дети палача должны были искать себе брачную партию внутри данной профессиональной группы. [18, с. 98] Брачный партнёр или партнёрша вне данного круга, как правило, происходили из низших городских слоёв или сельского населения. Членам уважаемых цехов грозили существенные репрессии, если они осмеливались заключить брак с детьми палача. Однако существует мнение, что палачи женились на дочерях или вдовах палачей не потому, что они не могли найти другого брачного партнёра или не могли жениться на других женщинах, а потому что они хотели на них жениться для сохранения сословно-профессионального статуса и соблюдения средневекового «запрета экзогамии». [19, с. 296]

Кроме того палачам было запрещено в Средневековье занятие почтенными профессиями или вхождение в «честные» цехи. Если палачи хотели поменять профессию, то их сыновьям предлагались только низшие ремёсла, такие как могильщики, овчары, разделщики свиней.

Кроме того в некоторых городах палачу было запрещено появляться в трактирах. В Миндене пришли к идее выдавать палачу пиво через окно, а кружку затем разбивать. Другой вариант заключался в предоставлении палачу в трактире обособленного места, аналогично как в церкви. [18, с. 95] Особенно символическим был обычай в некоторых предоставлять палачу стул с тремя ножками и кружку без крышки. [9, с. 120; 12, с. 488]

Другие источники, наоборот, свидетельствуют об отсутствии дискриминации палача. В городской книге Мильтенберга (1440-1459) от местных трактирщиков требовали без обиняков предоставлять приют и пищу проезжающему палачу. [11, с. 339; 18, с. 95]

В целом вопрос о правовом статусе палача в городской общине требует дифференцированного подхода, так как этот статус характеризовался амбивалентностью, а также большую роль играли региональные факторы.

Однако, учитывая вышеуказанное обстоятельство, при этом следует отметить, что палач являлся классическим табуизированным объектом в Позднее средневековье. Личность палача в результате его «непосредственного доступа к царству божественного» [18, с. 104] была окружена рядом табу-представлений, охватывавших церковно-религиозную, общественно-правовую сферы, а также ментальные структуры и формы мышления общества в целом. И это широко распространённое табуизированное мышление проявлялось в серии вторичных признаков маргинализации, влияло на организацию общественной жизни и вело к жёстким ограничениям в выборе брачного партнёра, посещения общественных мест, трактиров и церквей. Интенсифицировали характер бесчестности палача поручаемые ему побочные социально деградирующие виды деятельности.

Литература

1. <http://archive.org/details/dasstadtbuchvon00augsgoog/> - Дата доступа: 06.10.2013.;
2. <http://www.corpusthomicum.org/sth2055.html>- Дата доступа: 25.11.2013.
3. Das Stadtrecht von Bern. 1971. № 148. S. 544 - http://sroq-sds-fds.ch/online/BE_I_1_und_2/index.html#p_544 Дата доступа: 26.11.2013.]
4. Dürre H. Geschichte der Stadt Braunschweig im Mittelalter. Hannover-Döhren : von Hirschheydt, 1974. 782 S.
5. Funk W. Alte deutsche Rechtsmale : Sinnbilder und Zeugen deutscher Geschichte / von Wilhelm Funk . - Bremen [u.a.] : Angelsachsen-Verl., 1940. 230 S.
6. Hergemöller, Bernd-Ulrich: Krisenerscheinungen kirchlicher Machtpositionen in hansischen Städten des 15. Jahrhunderts, in: Städtische Führungsgruppen und Gemeinde in der werdenden Neuzeit. v. Wilfried Ehbrecht, Köln-Graz-Wien: Böhlau 1980 (Städteforschung, Reihe A, Bd. 9), 453 S.
7. Irle L. Die Scharfrichter im Siegerland, ihre gesellschaftliche und wirtschaftliche Stellung und ihre Tätigkeit/Heimatland. Beilage zur Siegener Zeitung. 7 Jg. Siegen: Wilhelm Vorländer Verlag, 1932. 191 S.
8. Irsigler F., Lasotta A. Bettler und Gaukler, Dirnen und Henker. Randgruppen und Außenseiter in Köln 1300-1600 (Aus der Kölner Stadtgeschichte). Köln: Böhlau Verlag, 1984. 320 S.
9. Keller A. Der Scharfrichter in der deutschen Kulturgeschichte. Hildesheim: G. Olms, 1968. 324 S.
10. Knapp H. Die Zehnten des Hochstifts Würzburg: Ein Beitrag zur Geschichte des süddeutschen Gerichtswesens und Strafrechts. 2 Bd. Berlin: Guttentag, 1907. 708 S.
11. Oberheinische Stadtrechte. Oberheinische stadtrechte / Hg. Von der Badische Historischen Kommission: Erste Abteilung: Frankische rechte, H. 4, bearb. von R.Schröder, K. Köhne. Heidelberg: Winter, 1898. 466 S.
12. Oppelt W. Über die "Unehrllichkeit" des Scharfrichters: unter bevorzugter Verwendung von Ansbacher Quellen. Lengfeld: Gottschalk, 1976. 931 S.
13. Ruoff W. H. Von ehrlichen und unehrlichen Berufen, besonders vom Scharfrichter und Wasenmeister im alten Zürich. Zürich: Buchdr. a/d. Sihl A.-G., 1933. 307 S.

14. Schubert E. Soziale Randgruppen und Bevölkerungsentwicklung im Mittelalter // Saeculum, 39, Heft 3-4. München: Verlag Kar1 Alber Freiburg, 1988. S. 290 – 339. (<http://www.mgh-bibliothek.de/dokumente/a/a110344.pdf>)
15. Schuhmann H. Der Scharfrichter. Seine Gestalt-seine Funktion. Kempten/Allgäu: Verl. für Heimatpflege, 1964. 400 S.
16. Sommer P. Scharfrichter von Bern. Bern: Lukianos-Verlag, 1969. 132 S.
17. Treichel F. Bd. 1: Beiträge zur Geschichte des deutschen Scharfrichter- und Abdeckerwesens // Johann Caspar Glenzdorf; Fritz Treichel: Henker, Schinder und arme Sünder. Bad Münden am Deister: W. Rost, 1970. S.474.
18. Voss G. Henker. Tabugestalt und Sündenbock // Randgruppen der spaetmittelalterliche Gesellschaft / Hrsg. von B.-U.Hergemöller. Warendorf: Fahbusch, 1990. S. 86-114.
19. Wilbertz G. Scharfrichter und Abdecker im Hochstift Osnabrück. Untersuchungen zur Sozialgeschichte zweier „unehrlicher“ Berufe im nordwestdeutschen Raum vom 16. bis zum 19 Jahrhundert. Osnabrück: Wenner, 1979. 386 S.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ